

Ко мне приходят, как к себе домой

Культура. 2000. - 15 - 21 июня. - 199

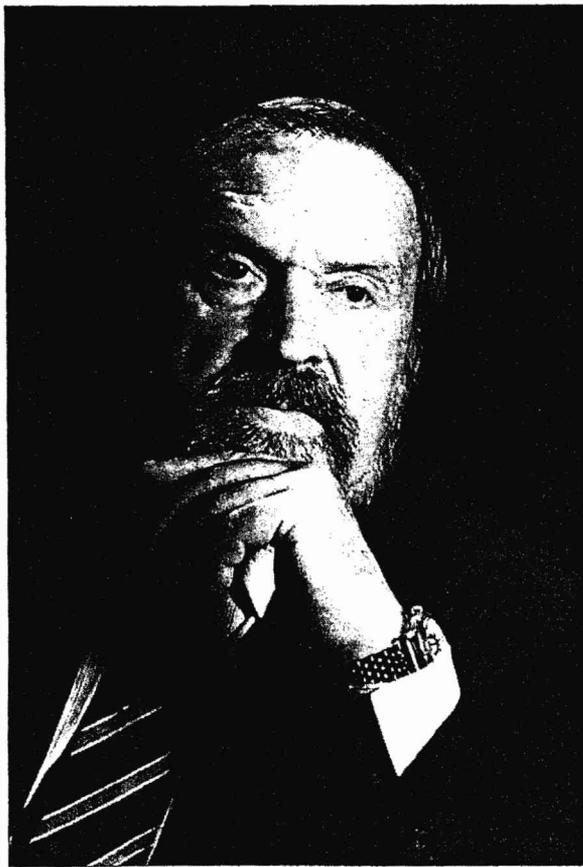
Московскому театру "Сопричастность", возглавляемому Игорем СИРЕНКО, исполнилось десять лет. За эти годы горожане уже привыкли к его уютному особнячку, стоящему возле храма Вознесения на Героховом Поле в Лефортове. Кабинет самого художника, в который попадаешь прямо из фойе, всегда открыт. В него можно заглянуть и без всяких церемоний побеседовать с Игорем Михайловичем лично. Собственно, у него и не кабинет в строгом смысле слова, а радужный салон, ждущий гостей. Его театр – типично "авторский". Все спектакли начиная с самого основания поставлены им самим.

– Была ли у вас собственная идея, с которой вы пришли к созданию этого театра?

– Идея – это ведь сам человек, который взялся театром руководить. А общее кредо "Сопричастности" – это глубоко почитаемое нами учение Станиславского, его возвращение на театр. Нашу стилистику мы называем "реалистическим минимализмом".

– Что это такое?

– Мы отталкиваемся лишь от идеи самого автора-драматурга, стараясь раскрыть его изнутри, причем скупыми, минимальными театральными средствами, что на самом-то деле достаточно сложно.

Главная ответственность возлагается на актёров, а не на декорации или постановочную часть в разных ее проявлениях. Для всех, кто

работает вместе со мной, важен театр большой мысли, большой страсти, театр интенсивного переживания и чувства (сегодня, как мне ка-

жется, играть в такой театр уже немодно). Для меня идеал – это театр Товстоногова, божественно владевшего всеми составляющими сцены.

– В вашем репертуаре превалирует классика. Вы полагаете когда-нибудь обратиться и к современности? Ведь ваш театр – чуть ли не единственный в Москве, где нет ни одной современной пьесы.

– В каждом театре есть свои собственные этапы пути. У нас сейчас идет этап становления и воспитания труппы, который плодотворнее проходить на классике.

Да, я ставлю сегодня Островского, Толстого, Горького и Гумилева потому, что хочу приподнять своего артиста, оторвать от "правдоподобной" системы общения, существующей в современной пьесе. Мышечная пьеса все время наталкивает на лживую псевдоорганику. Да и не хочу я ставить однодневки.

– А вам бы не хотелось самому играть в своих спектаклях, как это делают некоторые московские режиссеры? Ведь кое-кто помнит вас как яркого актёра Театра им. Маяковского.

– Не играю я в своем театре потому, что актер и режиссер – это совершенно разные профессии.

– Ваш театр находится в одном из прелестных еще уцелевших старинных московских районов. Это как-то накладывает отпечаток на ваш собственный стиль?

– Конечно! И я даже своим актёрам часто говорю: "Не забывайте, что вы птенцы гнезда Петрова!"

– Вот и поставили бы что-нибудь на тему Лефортова, Москвы петровских времен.

– Поставим – в свое время. Кстати, вы знаете, что у нас "мольеровский" вариант труппы – двадцать два актёра? И еще, в нашем театре совершенно особенная ат-

мосфера: зрители приходят сюда, словно домой. Нас даже называют "домашним" театром. Люди как-то сразу раскрепощаются в нашем уютном фойе и зале, чувствуют плечо сидящего рядом соседа, общаются, беседуют, запросто заходят ко мне в кабинет и делают впечатлениями.

– А вот если какой-нибудь антирепризный режиссер, допустим, Леонид Трушкин, пригласит вашего артиста на роль в своем спектакле – отпустите? Отпустите, к примеру, Светлану Мизери сыграть у Трушкина?

– Она не пойдет.

– Ну Наталью Кулинкину?

– Не пойдет.

– Точно?

– Точно. А того, кто пойдет, я отпущу навсегда. Мое отношение к актёру определяется прежде всего его преданностью нашему театру.

– Но за что-то же еще вы их любите?

– Мизери – это настоящая актриса, высочайшей пробы. Борис Панин – мощный, Богом данный талант и способен сыграть любую роль. Вы видели его в роли Сатана? А Наталья Кулинкина – это жрец, она служит театру, для нее театр – это миссия. Михаил Жиров с возрастом сформировал для себя очень точное актерское амплуа. А еще у меня сейчас целая плеяда молодых актёров – Дима Лавров, Сережа Давыдов, Аня Иванова, дебютировавшая в роли Негинной, Саша Шишкин, Вера Лофицкая, Володя Баландин и другие.

– Есть ли у вас сейчас какая-то пьеса, которая не дает вам покоя?

– Шекспировский "Кориолан". На пьесах, подобных этой, строится культура театра, его душа.

Беседа вел
Ольга ИГНАТЮК

Москва
Театр "Сопричастность"